

УДК 327

DOI: 10.34670/AR.2020.95.18.013

Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества»

Бояркина Анна Владимировна

Кандидат политических наук,
доцент,

Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: boyarkina.av@dvfu.ru

Аннотация

В статье рассматривается выдвинутая руководством КНР инициатива «Пояс и путь», которая выступает в качестве движущей силы, или моста, соединяющего восточную и западную цивилизации. Эта мощная торгово-логистическая артерия играет роль экономического и культурного стержня, объединившего страны Азии и Европы. Она способствует укреплению политического доверия и стимулирует взаимную интеграцию, создает более глубокую культурную коммуникацию, которая расширяет обмены стран вдоль этого маршрута. Китайская инициатива «Пояс и путь» выступает ключевым проектом соединения суперконтинента различными странами, большими и малыми. Логическим продолжением этого конкретного проекта является фундаментальная идейная концепция Сообщества единой судьбы человечества, которая открывает новые горизонты для мирового развития, международного сотрудничества, устранения конфликтов между странами, народами, религиями. Эта всеохватывающая мир концепция и есть глобализация по-китайски.

Для цитирования в научных исследованиях

Бояркина А.В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 1А. С. 120-140. DOI: 10.34670/AR.2020.95.18.013

Ключевые слова

Китай, Пояс и путь, Сообщество единой судьбы человечества, Си Цзиньпин, международное сотрудничество.

Введение

В настоящее время вызывают интерес предлагаемые КНР внешнеполитические стратегии, которые раскрывают подход политического руководства Китая к современной системе международных отношений и глобального управления. На наш взгляд, возрождение традиций Шелкового пути, наряду с совершенствованием глобального управления, международного сотрудничества, идеей взаимосвязанности стран, нашло отражение в таких стратегиях, как инициатива «Пояс и путь» – 一帶一路倡议 (далее – «ПиП») и концепция Сообщества единой судьбы человечества – 人类命运共同体 (далее – СЕСЧ).

Цели статьи – исследовать процесс развития предложенной Си Цзиньпином инициативы «ПиП», которая выступает сегодня в качестве движущей силы концепции СЕСЧ, и показать, каким образом взаимодействуют эти две национальных мегастратегии. Задачи исследования – уточнить понятие, причины выдвижения, значение концепции СЕСЧ; выявить особенности взаимодействия концепции СЕСЧ и инициативы ПиП в современном мире.

Анализ литературы свидетельствует о том, что тема развития, проблем и рисков инициативы «ПиП», сопряжение ее евразийского крыла, Экономического пояса Шелкового пути (далее – ЭПШП), с Евразийским экономическим союзом (далее – ЕАЭС) достаточно разработана, в то время как взаимодействие этой инициативы с концепцией СЕСЧ остается относительно новым и малоизученным и представляет научный интерес.

В настоящее время опубликовано большое количество западных и отечественных работ, рассматривающих инициативу «ПиП». Для ряда российских и западных исследований характерен сдержанный, критический подход к рассмотрению Дальнего Востока России и Восточной Сибири в процессе сопряжения с ЭПШП как одной из наиболее перспективных площадок для реализации интеграционных проектов на евразийском пространстве. Так, известный экономист А.В. Островский рассуждает о серьезной необходимости совместного участия российского Дальнего Востока, Сибири и Забайкалья в системе межгосударственного сотрудничества в АТР¹. А.А. Яковлев рассматривает сопряжение проектов ЕАЭС и ЭПШП как положительное развитие двусторонних торговых отношений через строительство новых логистических маршрутов². Реализация крупных проектов инфраструктурного характера, по мнению А.А. Киреевой, нуждается в инвестициях, а КНР «ребалансирует» свою экономику за счет «подтягивания» менее развитых регионов путем увеличения инвестиций за рубеж (идти вовне, 走出去) [Киреева, 2018].

Неоднозначно, с большой долей сложностей оценивают сопряжение ЕАЭС и ЭПШП Ч. Кловер, А.Н. Михайленко, В.Я. Портяков, С.В. Уянаев, К. Хилле, акцентируя внимание на том, что сопряжение двух проектов инициирует интеграционные процессы на евразийском пространстве и вытесняет Россию из Центрально-азиатского региона. Однако ученые

¹ См.: Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. 2016. Вып. 2. С. 8-12.

² См.: Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 1. С. 204-211.

высказывают предположение о том, что Китай может подчинить себе евразийский проект³. С ним солидарны В.Н. Коньшев и западный эксперт П. Стронски⁴. Лю Ижу, Е.Ф. Авдокушин, С.А. Афонцев уверены, что эффективному и полноценному сопряжению китайской инициативы и ЕАЭС препятствует интерпретация стратегии «ПиП» как преимущественно инфраструктурного проекта⁵.

Отдельно отметим новейшую монографию творческого коллектива российских востоковедов под редакцией А.В. Лукина и В.И. Якунина «Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения». Ученые подробно анализируют концептуальные подходы к ЭПШП в КНР, России и государствах Центральной Азии и проекты, направленные на развитие Евразии [Лукин, Якунин, 2019].

И.Е. Денисов подчеркивает важную роль ЭПШП в укреплении региональной безопасности и защиты национальных и экономических интересов Китая, делая акцент на позитивной роли зон свободной торговли [Денисов, 2016; Денисов, 2017]. А.А. Маслов рассматривает интеграцию российского и китайского проектов как неудачную, полагая, что эффективного совмещения этих стратегий не существует⁶.

Т.А. Мешкова, В.Е. Петровский, С.Л. Сазонов, С.В. Уянаев, Чэнь Сяо анализируют роль многосторонних институтов и интеграционных объединений, обеспечивающих создание многоуровневой интеграционной модели в Евразии – Большого Евразийского партнерства, в реализации инициативы «ПиП»⁷. Напротив, Я.В. Лексютина характеризует негативные

³ См.: Хилле К., Кловвер Ч. Объятия Путина и Си скрывают дурные предчувствия в отношении проекта «Один пояс – один путь». URL: <https://inosmi.ru/politic/20170515/239351391.html>; Михайленко А.Н. Сопряжение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2018. С. 275-279; Портяков В.Я. Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 44-68; Проект «Один пояс – один путь»: возможности и вызовы для России. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/proekt-odin-poias-odin-put-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlia-rossii.html>

⁴ См.: Коньшев В.Н., Лагутина М.Л. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 57-67; Stronski P., NG N. Cooperation and competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>

⁵ См.: Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. № 1. С. 67-76; Эксперты: сопряжение ЕвразЭС и проекта «Один пояс – один путь» должно быть многовекторным. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4572160>

⁶ См.: Комраков А. Шелковый путь усыпан шипами. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-04-22/4_7563_silkway.html

⁷ См.: Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7-33; Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства». М.: ИДВ РАН, 2018; Петровский В.Е. Форум Пояса и Пути. Ожидания и опасения. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22368>; Уянаев С.В. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 8-21; Уянаев С.В. Новые «шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 242-259; Чэнь С., Сазонов С.Л. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как основа сотрудничества Большой Евразии – 2030 // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2018. С. 355-358.

особенности подхода Индии и Японии к инициативе «ПиП» и Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций⁸. Т. Эдэр, Дж. Мардэлл придают значение конкурентной борьбе крупных игроков (Японии, Индии, Иран, Турция и т. д.) за инфраструктурные проекты в «Большой игре» в Евразии [Eder, www; Mardell, www].

И.Ю. Фролова, А.Н. Михайленко рассматривают вызовы политике сопряжения ЕАЭС и ИПП, делая акцент на замедлении экономического роста Китая, его доминировании в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций, опасениях стран Евросоюза в отношении эффективной и наступательной инвестиционной политики КНР⁹.

Основная часть

Во внешнеполитическом дискурсе политического руководства КНР символом, гармонизирующим межцивилизационные, межэтнические, межконфессиональные отношения, выступает глобальная концепция «китайского решения» (中国方案) региональных и мировых проблем. Инициатива ПиП и концепция СЕСЧ приобрели приоритетное положение в ряду других официальных внешнеполитических инициатив в связи с тем, что их выдвинул председатель КНР Си Цзиньпин [Лукин, Якунин, 2019, 12].

На наш взгляд, цели реализации меганачинания Си Цзиньпина – инициативы «ПиП» – обеспечить доступ к рынкам и стабильные поставки энергоресурсов, связать финансовые рынки с китайскими, а также экспортировать китайские промышленные мощности в отдаленные строительные проекты. Цель создания концепции СЕСЧ заключается в трансформации Китая в глобальное управление и мировой экономики, это альтернатива западной политики президента Д. Трампа. Другими словами, политическое руководство КНР, реализуя эти две национальные стратегии, расширяет геополитическое и геоэкономическое стратегическое пространство безопасности вокруг Китая, выстраивая дружеские партнерские отношения с соседями, и создает новые транспортные коридоры, обеспечивающие поставки энергетических ресурсов, минуя сухопутные и морские маршруты, контролируемые США. Это означает, что за счет экономического расширения Китай приобретает политическую устойчивость.

Объединяет две стратегии и то, что «ПиП» и СЕСЧ являются не интеграционными проектами, а глобальными межцивилизационными экономическими и политическими системами или режимами, участники которых придерживаются общих правил, целей, процедур принятия решений. По сути, каждое государство на добровольной основе может присоединиться к инициативам, исходя из своих экономических интересов, на основе сопряжения стратегий национального развития [Петровский, www]. Вместе с концепцией СЕСЧ «ПиП» нацелен на сближение народов Азии и Европы, достижение межгосударственного развития путем реализации курса «пяти направлений» или «пяти элементов» (五行一体): политики, экономики, культуры, безопасности и экологии.

Китайская инициатива «ПиП» носит комплексный и всеобъемлющий характер и является

⁸ См.: Лексютина Я.В. Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. С. 145-157.

⁹ См.: Михайленко А.Н. Сопряжение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2018. С. 275-279; Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5. С. 47-67.

одной из важнейших экономико-политических основ реализации концепции СЕСЧ [Лю, Авдокушин, 2019, 74; Chen, 2018, 827-828]. Кроме того, «ПиП» представляет собой практическое применение в строительстве СЕСЧ в Евразии, Африке и южной части Тихого океана. Этот глобальный маршрут доказывает, что Китай всегда шел по пути мирного развития. Общей линией проведения в жизнь этих двух меганачинаний является реализация «китайской мечты» о «великом возрождении китайской нации».

Последовательно рассмотрим появление и причины возникновения СЕСЧ и «ПИП». В 2013 г. во время визита в Казахстан и Индонезию Си Цзиньпин впервые объявил о строительстве ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века, объединенных в одну систему «ПиП». Название «пояс» указывает на морские маршруты, а «путь» – на сухопутные. При этом в рамках проекта Китай стремится расширить чисто торговые отношения до политических и социальных глобальных процессов. Эта система включает в себя нефте- и газопроводы, железнодорожный, автомобильный, воздушный и морской транспорт, линии электропередач и сетей связи.

Эти две инициативы почти неразделимы и составляют экономическое единство, при этом важной составной частью являются культурно-гуманитарные обмены. Данная система взаимодействия Китая с окружающими странами построена на основе всесторонней открытости и способствует формированию новой архитектуры миропорядка в китайском стиле [Лукин, Якунин, 2019, 12; Chen, 2018, 827].

Стратегия развития инициативы состоит в разрешении проблем, угрожающим развитию человечества, и укреплении международного сотрудничества. Реализация проекта «ПиП» стала общей целью всех стран, направленной на обеспечение взаимовыгодного сотрудничества и процветание, стимулирование обменов, укрепление взаимопонимания, доверия и обеспечение нового практического подхода к созданию СЕСЧ. Эта идея позволяет Китаю активно участвовать в глобальном управлении и создавать лучшее будущее для человечества [陈兆河, 2018, 170].

В марте 2015 г. Государственный комитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство торговли КНР опубликовали совместный документ под названием «Перспективы и действия по совместному созданию “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”», в котором подчеркивается необходимость поддержать «дух Шелкового пути мирного взаимодействия, открытости, взаимного обучения, терпимости, взаимопонимания, взаимной выгоды и беспризорного сотрудничества». В нем руководство КНР призывает сформировать идею СЕСЧ и ускорить продвижение проекта «ПиП» посредством построения трех сообществ: сообщества взаимного политического доверия, сообщества экономической интеграции и сообщества культурных интересов. Кроме того, после прихода к власти «пятого поколения» руководителей во главе с Си Цзиньпином сложилась комплексная модель внешней политики, которая определенно не сводится к усилению «жестких» элементов китайской дипломатии [Денисов, 2016, 25; Денисов, 2017, 87].

Отметим, что мегапроект «ПиП» способствует установлению новой глобальной роли Китая в трансформации его внешнеполитического курса. Учитывая решительную позицию КНР вокруг территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, страны региона опасаются инициатив, предложенных Пекином. Китаю будет трудно построить дружественный лагерь, гарантирующий бесперебойность поставок энергетических ресурсов [Zhao, www]. Следовательно, как считает российский исследователь А.А. Киреева, координация логистических, энергетических, культурно-гуманитарных проектов приведет к созданию

лояльного Пекину окружения государств в Евразии [Киреева, 2018, 67].

По мнению китайских исследователей, «ПиП» нацелен на внутреннюю региональную инфраструктуру и новые экономические стимулы экономического роста. Он может изменить механизм регионального роста Азиатско-Тихоокеанского региона, что представляет собой выражение великих амбиций Китая повлиять на экономический рост в Азии и углубить региональную интеграцию. Китайские эксперты не рассматривают этот проект в качестве стратегии построения «доминирующей в Азии» державы или плана «великого возрождения китайской нации» [Zhao, www].

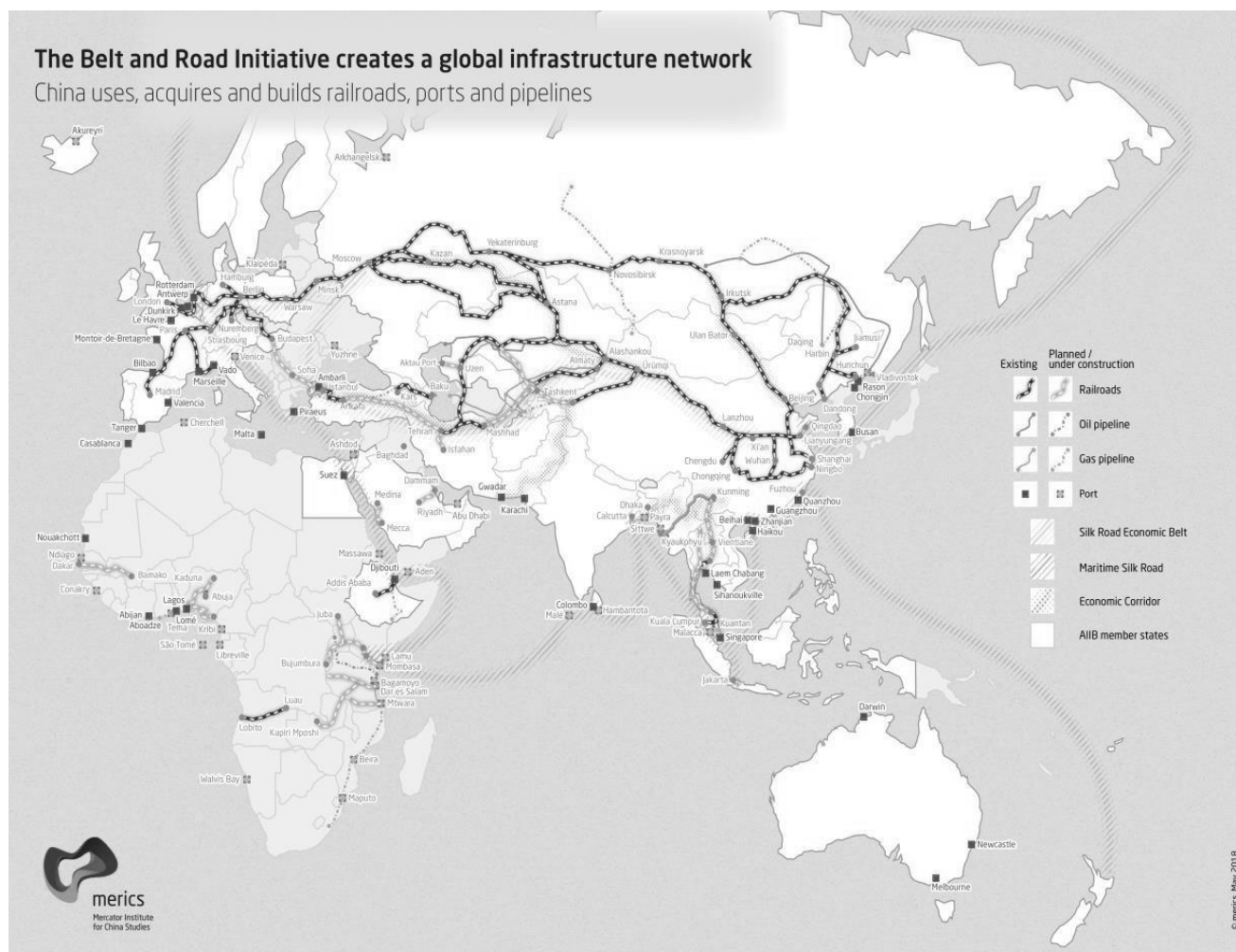

Рисунок 1 - Глобальная инфраструктура инициативы «Пояс и путь». Железнодорожные пути, морские порты, трубопроводы [Eder, www]

Хотя «ПиП» в основном является экономической и торговой инициативой, она содержит политическое измерение и влияет на безопасность в Евразии и странах АТР. В то же время китайские ученые выражают опасения по поводу того, что этот мегапроект воспринимается некоторыми странами как «геополитический заговор» при условии, что консенсус по инициативе не достигнут и отсутствует взаимное доверие. Следовательно, чтобы убедить другие страны в том, что инициатива является «открытой и публичной» стратегией, а не «заговорщической», Китаю необходимо лучше понять проблемы и реальные потребности вовлеченных в нее стран. В связи с этим политическое руководство КНР укрепляет

политическое и стратегическое доверие со странами-соседями [Zhao, www].

Инициатива «ПиП» способствует применению именно концепции СЕСЧ как механизма консолидации стран-участниц. Концепция СЕСЧ выражает общие интересы миролюбивой дипломатии Китая и судеб других стран в решении глобальных задач человечества. Руководство КНР поставило в качестве приоритетной задачи поддержание хорошего партнерства с соседними странами (周边是首要) [Бояркина, Печерица, Мефодьева, 2018, 58; Wesley-Smith, 2013, 358]. Некоторые соседние страны опасаются роста Китая, ухудшаются отношения со странами АСЕАН, особенно с Вьетнамом и Филиппинами, что представляет серьезную угрозу для реализации этой задачи.

Российские же эксперты полагают, что проблемы безопасности в АТР оцениваются китайскими учеными достаточно сдержанно и не являются приоритетными. При этом свои государственные интересы на официальном уровне Китай рассматривает как совпадающие с интересами партнеров [Денисов, 2016, 36].

Успешная реализация китайской инициативы, считают в Пекине и в Москве, возможна лишь при широком участии всех заинтересованных сторон. Евразийское пространство как центр глобальной геополитики и геоэкономики отличается многообразием развития. На одном его конце находится динамично развивающееся Азиатско-Тихоокеанское кольцо (亚太经济圈), на другом – Европейское экономическое кольцо (欧洲经济圈), а обширная средняя часть включает многие развивающиеся страны с неравномерным развитием. Оно представляет собой особую характерную черту евразийской региональной экономической структуры. В связи с этим возникает ряд вопросов по поводу того, как сделать развитие все этих частей Евразии сбалансированным и инклюзивным, а сотрудничество разных по уровню стран – взаимовыгодным, как успешно реализовать стратегию совместного развития этих государств [陈兆河, 2018, 169].

Концепция СЕСЧ характеризуется широким географическим охватом. Сначала она была ориентирована на Тайвань, затем на соседние страны Азии, потом на развивающийся мир и наконец – на глобальное сообщество. В процессе ее реализации на региональном и затем на глобальном уровнях применяется соответствующий тезис: во все более взаимосвязанном мире судьба каждой отдельной страны неизбежно переплетается с судьбой других. Тем не менее необходимо отметить, что для небольших соседних стран выбор своего собственного пути развития является очень важным фактором.

Причины выдвижения концепции СЕСЧ заключаются в том, что мир меняется и страны становятся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми. Человечество сталкивается с рядом таких сложных проблем, как ухудшение глобальной экономической ситуации, региональные вооруженные конфликты, нетрадиционные угрозы безопасности, терроризм, изменение климата, пандемии, разрыв между богатыми и бедными. Странам сложно противостоять этим вызовам и угрозам самостоятельно. Эта новая китайская модель мироустройства рассчитана на решение общих проблем, стоящих перед человечеством [习近平, 2013, www].

Китайская концепция СЕСЧ уходит корнями в идеи Поднебесной «Тянься» (天下) эпохи Чжоу, III в. до н. э. Она опирается на теоретический фундамент традиционной китайской культуры, которая поощряет мир и сотрудничество [Бояркина, Печерица, Мефодьева, 2018, 58]. Концептуальная основа СЕСЧ берет начало от доктрины «мирного развития», которая рассматривается как внешнеполитический курс бывшего председателя Ху Цзиньтао. Министр

иностранных дел Китая Ван И отмечает: «“Сообщество единой судьбы человечества” является основным достижением дипломатических нововведений Китая под руководством председателя Си Цзиньпина. Реализация этой концепции и возрождение китайской нации представляют собой дипломатические цели с китайской спецификой» [王毅, 2016, www].

В октябре 2013 г. на рабочем совещании по вопросам внешней политики Китая в «ближнем зарубежье» Си Цзиньпин определил ключевые векторы дипломатической стратегии Китая в отношении стран-соседей. Они состоят из принципов дружбы, партнерства, добрососедства, безопасности и процветания этих стран. При этом подчеркивается морально-этическая концепция «доброжелательности, искренности, взаимной выгоды». «Доброжелательность» требует укрепления дружеских чувств между странами, связанными географической и человеческой близостью, поддержания отношений добрососедства и взаимопомощи, уважения к принципу равенства и дружеским чувствам, проведения частых встреч и взаимных поездок. Все это делается для того, чтобы соседние страны относились лояльно к Китаю [中国关键词, 2019, 543].

Си Цзиньпин заявил, что успешная дипломатическая политика соседства необходима для достижения «двух столетних целей» (两个一百年目标)¹⁰ и реализации «китайской мечты» возрождения нации. Он подчеркнул необходимость понимания соседними странами содержания концепции СЕСЧ с целью снижения стратегической напряженности в Южно-Китайском море [习近平, 2013, www].

Правительство КНР включило концепцию в качестве важного компонента в философский политический труд «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новой эпохе» (или «Идеи Си Цзиньпина»). В частности, профессор Чэнь Шугуан доказывает, что «Идеи Си Цзиньпина» вносят новый вклад в глобальное управление в области политических, культурных ценностей с дополнением концепции СЕСЧ [陈曙光, 2017].

Свое развитие концепция СЕСЧ получила в материалах XVIII съезда КПК в конце 2012 г.: был сформулирован подход Китая к глобальному управлению, были обоснованы предложения и меры поддержки Китаем роста и развития всего мира. Как подчеркнул на XVIII съезде КПК председатель КНР Ху Цзиньтао, «странам следует создать новый тип партнерства в области глобального развития, который будет более справедливым и сбалансированным, держаться вместе в трудные времена, иметь равные права и выполнять обязательства, защищать общие интересы человечества» [在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告..., www]. Эту мысль Си Цзиньпин неоднократно повторяет и развивает в своих выступлениях: во время визита в Африку в марте 2013 г., во время турне по странам АСЕАН. В 2013 г. на конференции по дипломатической работе с соседними странами в Пекине руководитель Китая подчеркнул, что «осознание “сообщества единой судьбы” поддержано и в соседних странах». На азиатском Форуме Боао в 2015 г. китайский лидер отметил «ответственность большой державы за региональный и глобальный мир и развитие, а не стремление к монополии управления региональным и мировым порядком» [Towards a Community..., www]. «Общий дом для всего человечества» – так объявил Си Цзиньпин о создании СЕСЧ в глобальном масштабе в январе

¹⁰ «Двумя столетними целями» являются полное построение «среднезажиточного общества» к тому времени, когда Коммунистическая партия Китая отметит свое столетие в 2021 г., и в 2049 г. превращение Китая в современную социалистическую страну, процветающую, сильную, демократическую, культурно развитую и гармоничную державу.

2017 г. в Давосе и в ООН [习近平, 2017]. 17 марта 2017 г. в резолюции ООН № 2344 сформулировано понятие «СЕСЧ», связанное с укреплением мира и стабильности в Афганистане и в соседнем регионе [Community..., www]. После проведения XIX съезда КПК в 2018 г. принято решение о включении формулировки «содействие формированию человеческого сообщества с единой судьбой» в Конституцию КНР.

Причина строительства СЕСЧ заключается в намерении КНР проводить решительную сухопутную и морскую геополитику, представить новые возможности и перспективы для расширения международных экономических проектов. Идея Си Цзиньпина состоит в совместном подходе стран к обсуждению новых правил глобального управления, формированию на этой базе новых механизмов [Полный текст..., www].

В первых заявлениях лидера КНР китайские ученые находят лишь общие представления о «Сообществе стран единой судьбы человечества», отсутствуют конкретные внешнеполитические предложения Китая по обновлению миропорядка [Zhang, 2018, 198]. Позднее, творчески развиваясь, концепция Си Цзиньпина ориентирует китайскую модель мироустройства на решение общих проблем, стоящих перед человечеством [Бояркина, Печерица, Мефодьева, 2018, 58]. Еще в 2015 г. Си Цзиньпин изложил четыре принципа, лежащих в основе построения СЕСЧ. Первый принцип состоит в равном отношении и уважении друг друга всех стран и народов. Второй принцип отражает стремление к взаимовыгодному сотрудничеству и общему развитию, третий – создание всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности. Четвертый принцип провозглашает инклюзивность и взаимное обучение цивилизаций [Towards a Community..., www].

На XIX съезде КПК Си Цзиньпин заявил: «Мы наблюдаем усиление взаимосвязанности и взаимозависимости мирового сообщества. Человечество живет в глобальной деревне, разделяя единую судьбу. Мы призываем все страны создать прекрасный мир, чистый и безопасный, построить сообщество единой судьбы человечества общими усилиями» [Полный текст..., www]. Эту мысль он повторил в марте 2018 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва. Тогда лидер Китая пообещал «позволить солнечному свету СЕСЧ осветить мир» [十三届全国人大一次会议在京闭幕..., www].

Анализируя содержание концепции СЕСЧ, отметим, что она развивает теорию марксизма, отражающую взгляд на мир и человечество с точки зрения взаимосвязанности развития Китая и других стран. Она показывает пути совершенствования управления взаимоотношениями целого и частей, пути улучшения условий жизни человечества. Эта концепция XXI в. основана на традиционной китайской культуре и искусстве управления государством. Кроме того, концепция связана с конфуцианскими заветами, такими как «гармония – наивысшая ценность», «великое единение» и «гармония между небом и человеком». Это роднит ее с идеями марксизма о том, что человек существует в нерасторжимом единстве с природой, частью которой он является [Си, 2018, 41-42].

Концепция СЕСЧ, опираясь на идею «гармоничного мира», отражает традиционные ценности китайской цивилизации и показывает подход Китая к постановке долгосрочных целей и решению задач китайской дипломатии, что гарантирует сохранение мира на земле и всеобщее процветание [Gao, www].

Исследователь марксизма Лю Шижэнь определяет марксистскую теорию как основу национальной идеологии КНР. Интересным является то, что он называет марксистскую теорию не государственной идеологией напрямую, а «философией с традиционными китайскими ценностями в условиях сложной и меняющейся глобальной окружающей среды в XXI в.». Все

человечество, все страны должны сотрудничать, чтобы пережить экономический кризис и ускорить социально-экономическое развитие мира. Многие государства укрепляют связи с Китаем в рамках идеи «сотрудничества и обмена, взаимной пользы», которая, в свою очередь, стимулирует рост мировой торговли.

СЕСЧ – сложная концепция, в которой научно обоснованы три элемента отношений между целым и частями реального мира. Это отношения мира и человечества, отношения между странами всего мира и отношения правительства и населения. В этой концепции говорится о том, что Земля – это целое и человек как часть целого существует в этой системе, все страны взаимосвязаны и образуют единство [Liu, 2019, www].

Концепция СЕСЧ заимствует идеи общеевропейского дома единой Европы. Так, профессор Д. Бандурски отмечает принципиальные различия между китайской и европейской концепциями «единой судьбы». Различия в китайском понимании, по его мнению, являются фундаментальными, основанными на приоритете национального суверенитета. Китайская концепция определяет национальную принадлежность вокруг идеи «великого возрождения» Китая [Bandurski, www].

Какие факторы объединяют эти две стратегии? Китайские исследователи приводят три фактора, которые представляют взаимосвязь инициативы «ПиП» и концепции СЕСЧ как платформы глобальной коммуникации и механизма продвижения национальных идей КНР. Во-первых, инициатива «ПиП» – это цивилизационная площадка создания СЕСЧ. Во-вторых, ПиП – это платформа международного и беспроигрышного сотрудничества в процессе строительства СЕСЧ. В-третьих, инициатива «ПиП» – это платформа взаимной выгоды и обменов в рамках СЕСЧ.

Инициатива «ПиП» как цивилизационная площадка создания СЕСЧ является самым длинным и экономически перспективным коридором в мире. К проекту присоединились более 60 стран с численностью населения 4,6 млрд человек. Страны, расположенные вдоль маршрута, имеют свои культурные традиции, социально-политические системы, пути и уровни развития. Политическое руководство Китая призывает к проведению совместных консультаций и созданию единой платформы сотрудничества, где все страны могут привлекать ресурсы и реализовать творческий потенциал населения с целью совместного выполнения глобальных задач, чтобы таким образом двигаться к построению СЕСЧ. Китай крайне опасается распространения западных идей «неоколониализма», «восстановления трибутарной системы» в странах вдоль маршрута. С этой целью китайское правительство придает особое значение тому, чтобы инициатива «ПиП» опиралась на принципы взаимной выгоды и дружеских отношений посредством укрепления международного сотрудничества. Это должно географически сблизить страны и укрепить межцивилизационные и межконфессиональные связи, а также усилить культурный обмен.

Второй фактор доказывает, что инициатива «ПиП» – это платформа международного и беспроигрышного сотрудничества в процессе создания единой судьбы человечества. В настоящее время инициатива «ПиП» получила активную поддержку и участие более 100 стран и международных организаций в мире. Благодаря реализации курса «пяти направлений», или «пяти задач», со странами вдоль маршрута «ПиП» политическое руководство КНР содействует их экономическому развитию. Курс «пяти направлений» включает политику в сфере связи, внедрение высокотехнологичных систем связи, увеличение товарооборота, ускорение финансирования торговых потоков, укрепление гуманитарных связей. С момента начала реализации «ПиП» эти пять задач будут расширяться в географическом, социально-

политическом и культурном пространстве [Уянаев, 2015, 246; Chen, 2018, 828-829].

Китай постоянно укрепляет свою торговлю со странами вдоль маршрута «ПиП». Уже сократилось время таможенной очистки товаров. На китайских предприятиях создано 180 000 рабочих мест и 56 свободных экономических зон в более чем 20 странах [Chen, 2018, 829].

Продолжая изучать международный рынок, КНР создает новую платформу для международного сотрудничества, следит за стабильной ситуацией на рынке, привлекая необходимые и выгодные ресурсы для реализации проекта. Формируя новую модель всеобъемлющей открытости, Китай предложил инициативу «ПиП», указывающую на то, что мирно растущая промышленно развитая держава производит большой эффект «перелива» прямых иностранных инвестиций (“外溢”效), т. е. они влияют на технологии разработки продукции, технологии производства, технологии управления и технологии маркетинга соответствующих отраслей или предприятий в странах-участниках. Следовательно, Китай ускоряет процесс регионального экономического сотрудничества с точки зрения производственных мощностей. Это способствует не только модернизации промышленной структуры Китая, но и индустриализации стран вдоль маршрута ПиП.

Реализация инициативы «ПиП» требует широкого участия и совместных усилий стран Центральной, Средней Азии. Уровень их индустриализации находится в основном на средних стадиях развития, в то время как в Китае получили развитие традиционная тяжелая промышленность с обработкой стали и производством цемента и некоторые новые отрасли с обработкой поликристаллического кремния. Однако сегодня промышленность КНР сталкивается с серьезной проблемой избытка производственных мощностей. В связи со вспышкой эпидемии коронавируса в провинции Хубэй в январе 2020 г. экономическое и финансовое развитие страны также замедляется.

Инициатива «ПиП» выступает площадкой взаимной выгоды и обменов в формировании СЕСЧ. Это значит, что она нацелена не только на рост Китая, но и на возможность большого количества стран успеть за экспресс-развитием Поднебесной. Устанавливая долгосрочные цели, Китай реализует инициативы «ПиП», устраняя «депрессию» в Азии, Европе и Африке и создавая новую эпоху общего развития и процветания для всех стран и народов [Ibidem, 830].

Инициатива «ПиП» направлена на интеграцию китайской, азиатской, европейской и африканской мечты на основе взаимовыгодного сотрудничества, взаимной победы. Финансовой опорой выступают инвестиционные вложения, технологии, материальные и трудовые ресурсы стран, расположенных вдоль маршрута, и других стран мира. Все это вносит позитивный вклад в реформирование системы глобального управления, снижает экономическую рецессию в мире и стимулирует развитие развивающихся стран.

Правительство КНР укрепляет сотрудничество в области образования, культуры, здравоохранения, спорта со странами вдоль маршрута «ПиП», что способствует улучшению уровня жизни местного населения. В 2017 г. в Пекине прошел Форум высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс – один путь», на котором страны подписали более 270 намерений о сотрудничестве, важных инициатив и достигли ощутимых результатов, а также на практике убедились в эффективности торговли в рамках инициативы «ПиП».

По мнению китайских аналитиков, подъем Китая как великой державы берет начало в Восточной Азии, где строительство «сообщества единой судьбы Китай – АСЕАН» представило важную стратегическую возможность и открыло перспективы для общего развития КНР и стран АСЕАН. Это свидетельствует о том, что официальные лица КНР понимают стратегическую важность установления хороших добрососедских отношений со странами АСЕАН [Liang, 2019,

12; 李澍, www]. Так, премьер КНР Ли Кэцян на Саммите ШОС в Душанбе в 2018 г. заявил, что Китай и страны ШОС будут совместно продолжать следовать концепции комплексной и устойчивой безопасности, укреплять «шанхайский дух» взаимного доверия и понимания, конструктивного и плодотворного сотрудничества и уважения к разным цивилизациям. Эти постулаты в целом отражают ценности СЕСЧ. Ли Кэцян также отметил единый «дух взаимной выгоды, равенства, консультаций и общего развития». Совет глав государств – членов ШОС утвердил План действий на 2018-2022 гг. по реализации положений Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС и документ об утверждении Программы сотрудничества государств-членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019-2021 гг. [李澍, www]

На саммите Азия – Европа (ASEM – Asia-Europe Meeting) осуществляется взаимодействие стран-участниц в политической, финансово-экономической и культурной сферах. Большинство стран-участниц являются активными сторонниками реализации проекта «ПиП», с которыми Китай расширяет торгово-экономическое сотрудничество. Это страны АСЕАН, члены ШОС и страны Центральной и Восточной Европы. Нидерланды и Бельгия являются учредителями этого саммита, а китайско-голландское и китайско-бельгийское сотрудничество отражает многостороннюю ценностную ориентацию строительства Китаем СЕСЧ [李澍, www].

Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Ли Чжаньшу подчеркивает важное значение инициативы «ПиП» для России и стран Центральной Азии. Взаимодействие Китая и этих стран происходит на основе всестороннего стратегического партнерства и общности интересов в рамках создания СЕСЧ. В нынешней международной ситуации Китай и Россия должны содействовать созданию нового типа международных отношений и СЕСЧ. Это должно привести к новому уровню стратегического сотрудничества и поднять торгово-экономическое сотрудничество двух держав на новый уровень в новую эпоху [栗战书对俄罗斯进行正式友好访问, www].

В условиях новой многополярной модели следует отметить перспективы и риски «ПиП» со стороны других крупных мировых игроков¹¹. У каждой страны есть свое стратегическое представление о развитии, но только планы Китая по превращению своего проекта в реальность являются действительно целенаправленными и долгосрочными. На XIX съезде КПК в 2017 г. политическое руководство страны поставило задачу завершить к 2049 г. строительство «модернизированного социалистического государства» и превратить его в высокотехнологическую державу.

В XXI в. на евразийском пространстве началась «Большая игра», в которую включилось много игроков, желающих развивать собственные инфраструктурные проекты. Здесь сталкиваются геополитические и геоэкономические интересы Японии, Индии, Турции, России и др. Китайская инициатива «ПиП» является ключевым проектом Китая, но создание инфраструктуры в Евразии – это идея не только КНР. Соединение суперконтинента является международной задачей, осуществляемой различными странами, большими и малыми. У таких

¹¹ Подробнее см.: Лексютина Я.В. Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. С. 145-157; Михайленко А.Н. Сопряжение евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2018. С. 275-279; Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5. С. 47-67.

региональных держав, как Казахстан, Кыргызстан, также имеются свои инфраструктурные проекты [Mardell, www].

Американский Центр стратегических и международных исследований (the Center for Strategic and International Studies, CSIS) предложил проект «Воссоединение Азии» и объявил инициативы по логистическому строительству «конкурирующими идеями» для континента. Однако каким образом, например, реализация российской концепции коррелируется с китайской?

Особое отношение к стратегическому маршруту КНР «ПиП» у Индии и Японии. Между ними и Китаем идет борьба за строительство высокоскоростных железных дорог. В 2015 г. Япония проиграла КНР в попытке построить скоростную железную дорогу Джакарта – Бандунг в Индонезии. Конкурентная борьба Японии и Индии в рамках реализации инициативы «ПиП» продиктована желанием противостоять строительству азиатского будущего, в котором доминирует Китай. Система традиционных азиатских ценностей играет определенную роль в этом сопротивлении, но конкурирующие взгляды Японии и КНР в значительной степени различаются в вопросе, насколько важную роль Пекин будет играть в «Воссоединении Азии».

Кроме того, Япония и Индия проводят совместные военные учения. Нарендра Моди и Синдзо Абэ строят альтернативный Шелковый путь, связывающий Азию и Африку. Строительству экономического коридора Китай – Пакистан, который проходит через оспариваемую территорию Кашмира, противятся Япония, Индия, США в связи с тем, что он облегчит логистический маршрут и будет выгоден евразийскому региону в целом. Реконструкция порта Гвадар рассматривается как попытка «окружить Индию “ниткой жемчуга”, окружающей Индийский океан» [Ibidem]. С другой стороны, китайское и японское руководство выражают готовность на официальном уровне вместе содействовать созданию СЕСЧ. Лидеры двух стран считают, что в процессе реализации проекта «ПиП» сотрудничество между Японией и Китаем является беспроигрышным выбором [一带一路建设是构建人类命运共同体理念的实践, www].

Многовековое геоэкономическое доминирование западных государств установило ассиметричную взаимозависимость с другими странами мира [Дисэн, www]. Посол Китая в США Цуй Тянькай опровергает американские заявления о том, что СЕСЧ является «геополитическим инструментом» и служит инструментом манипулирования или навязывания другим каких-либо условий [Целью..., www]. Политическое руководство США называет китайскую инициативу «удушающим и опасным поясом в один конец» и призывает азиатские страны отказаться от инвестирования КНР и принять «лучший выбор от США» [Mardell, www]. Некоторые западные ученые считают проект «размытым» и не верят в статистические данные о финансировании и инвестировании КНР в страны вдоль маршрута. Однако Азиатский банк развития (АБР) выразил готовность профинансировать строительные объекты стоимостью более чем \$26 трлн долларов США. Возглавляемый Китаем Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций с 2016 г. инвестировал около \$2 млрд долларов [Ibidem]. Азиатские страны должны вложить в развитие национальных транспортных сетей в период 2016-2030 гг. около 26 трлн долларов США, в противном случае их экономическое состояние не позволит поддержать борьбу с бедностью населения [Чэнь, Сазонов, 2018, 355].

Все больше стран осознают необходимость объединения усилий в сопряжении долгосрочных стратегий своего развития. Примером такой грандиозной интеграции, начавшейся в 2015 г., является процесс сопряжения Евразийского экономического союза и Шелкового пути посредством углубления практического сотрудничества во всех сферах.

Главным элементом этой конструкции должна стать мощная экономическая база, основой которой является экономический потенциал КНР и РФ. В 2015 г. стороны договорились о сопряжении «ПиП» и ЕАЭС.

Китайские ученые выделяют Россию среди всех стран Евразии [Кобаяси, www]. Она является наиболее важным партнером для Китая. Многие, в том числе китайские, эксперты считают, что участие России в проекте оживляет ее экономику и наши страны готовы к масштабной интеграции в рамках Евразийского экономического союза. России необходим богатый опыт взаимодействия Китая с ЕС, АСЕАН и другими региональными структурами [Ван, 2014, 15].

Транспортно-инфраструктурное взаимодействие заслуживает особого внимания в сопряжении инфраструктурных проектов ЕАЭС и развитии транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг», так называемого «Пряного пути», который реализуют Россия, Индия и Иран. Это означает реконфигурацию логистических маршрутов континентального масштаба вместе с китайской инициативой ЭПШП и с программами развития Северного морского пути [Мешкова и др., 2019, 9-10].

Сейчас формируется экономический коридор Китай – Россия – Монголия; осуществляется экономическая модель «Три плюс один», куда входят Китай, Пакистан и Афганистан; реализуются и другие интеграционные проекты, которые вносят вклад в реализацию инициативы вдоль маршрута «ПиП». В концепцию развития китайской инициативы ПИП и ее интеграции с ЕАЭС может войти экономический коридор Китай – Монголия – Россия. Он способствует развитию промышленности, инфраструктуры КНР, торгово-экономических и культурных связей. Россия заинтересована в ускорении развития регионов Дальнего Востока и Сибири и укреплении геополитических и геоэкономических позиций в Монголии. По словам Ван И, Монголия является естественным партнером для реализации инициативы «ПиП». Участие Монголии в этом мегапроекте открывает новые возможности для собственного развития программы «Степной путь». Китайское политическое руководство призывает ускорить процесс сопряжения и совместно построить «ПиП» [王毅, 2018, www].

В то же время исследователи из Института Дальнего Востока Российской академии наук отмечают серьезные противоречия в сопряжении российского проекта Евразийский экономический союз и инициативы «ПиП». Так, С.В. Уянаев полагает, что «ПиП» ориентирован на широкие зоны свободной торговли, тогда как ЕАЭС направлен на внутренние рынки, защиту от внешних игроков и бестарифную зону только для стран-участниц [Проект..., www].

Негативные последствия строительства трансконтинентального моста из Китая в Европу для России заключаются в снижении интереса перевозчиков к Сибирскому и Дальневосточному участкам Транссибирской магистрали и отсутствию качественного технического обслуживания [Там же]. Ученый также связывает сложность «сопряжения» с конкретными экономическими перспективами российской концепции Евразийского экономического союза и китайской инициативы. В обеих странах наблюдается некоторое «соотношение» центрально-азиатских проектов каждой из них. Оба проекта все еще не равны экономически и геополитически [Уянаев, 2015, 256-257].

А.В. Островский считает главными тормозящими факторами в реализации китайско-российских инфраструктурных проектов отсутствие развитой энергетической и транспортной инфраструктуры, низкий уровень освоения ресурсного потенциала, нерешенность ряда институциональных вопросов, включая слабую законодательную базу, плохой инвестиционный климат, ценовой разрыв между регионами Дальнего Востока и европейской частью России

[Островский, 2019, кн. 1, 29]. Ученый выделяет низкие показатели темпов роста валового регионального продукта и недостаточное развитие транспортной инфраструктуры как главные проблемы развития не только российского Дальнего Востока и Сибири, но и Северо-Востока Китая [Там же, 27].

Другая группа исследователей указывает на функционирование Транссиба как транзитной магистрали, обслуживающей грузопоток из Китая в недостаточном объеме. Решение проблемы увеличения грузооборота связано с возможностью расширения пространства российской железнодорожной колеи на территорию Корейского полуострова (проведение работ по реконструкции участка железной дороги ст. Хасан (РФ) – ст. Раджин (КНДР)) и строительством моста на о. Сахалин и последующим его соединением с Японией [Цветков, Зоидов, Медков, 2013, 105].

Наименее проработанным направлением в строительстве «ПиП» российские исследователи считают политическую координацию стран, однако она является существенной и значимой частью проекта. Строительство транспортных и инфраструктурных проектов на евразийском пространстве возможно лишь при условии усиления межправительственного сотрудничества и создания механизмов координации макроэкономической политики [Денисов, 2016, 31].

Российские исследователи выделяют ряд факторов, которые относят Россию к менее значимому по сравнению с США партнеру КНР. Примером служит распространенная в Китае точка зрения по поводу того, что Кремль прислушивается к решениям китайских лидеров до тех пор, пока Россия строит группировку ЕАЭС в рамках реализации инициативы «ПиП», тем самым ограничивает и сдерживает рост Китая в зоне своего влияния. Если в России продолжится экономическая рецессия, политическое руководство КНР все меньше будет готово обсуждать с ней трансформацию регионального и глобального порядка [Российско-китайские отношения..., 2018, 119]. В октябре 2019 г. ЕАЭС заключил соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем и продолжает активно развивать международные связи [Россия и Китай..., www].

Какой можно сделать прогноз в отношении того, как будет проходить «Большая игра» на евразийском пространстве между КНР, Россией, США, странами Центральной Азии и другими игроками? В целом сегодня в этом стратегически важном регионе главенствует дух конкуренции. Здесь важную роль играют коренные интересы России, КНР и США, которые позволяют им трансформировать геополитическое и геоэкономическое пространство региона и принимать участие в интеграционных проектах. Коренные интересы США заключаются в недопущении формирования в Евразии доминантной супердержавы, которая держит под контролем весь континент и сможет бросить вызов США. Коренный интерес Китая состоит в продвижении концепции СЕСЧ путем реализации мегапроекта «ПиП», расширения зоны влияния на Среднюю Азию и Ближний Восток до европейских стран и достижения уровня, превосходящего США по технологической, военной, экономической и научно-интеллектуальной силе. Коренные интересы Российской Федерации заключаются в грамотном использовании экономических рычагов влияния в своей геополитической стратегии с целью сохранения нефти и газа как наиболее дефицитных ресурсов. Кроме того, российское правительство может распределять энергоресурсы, применяя принцип экономических преференций. Это позволит ускорить строительство транспортных коридоров в процессе сопряжения ЕАЭС и инициативы «ПиП», а также укрепить экономическое сотрудничество на евразийском пространстве со странами-соседями.

Заключение

Выдвинутая руководством КНР инициатива «ПиП» выступает сегодня в качестве движущей силы, или моста, соединяющего восточную и западную цивилизации. Эта мощная торгово-логистическая артерия играет роль экономического и культурного стержня, объединившего страны Азии и Европы. Она способствует укреплению политического доверия и стимулирует взаимную интеграцию, создает более глубокую культурную коммуникацию, которая расширяет обмены стран вдоль этого маршрута. Китайская инициатива «ПиП» выступает ключевым проектом соединения суперконтинента различными странами, большими и малыми. Логическим продолжением этого конкретного проекта является фундаментальная идейная концепция СЕСЧ. Она открывает новые горизонты для мирового развития, международного сотрудничества, устранения конфликтов между странами, народами, религиями. Эта всеохватывающая мир концепция и есть глобализация по-китайски.

Эти две национальные стратегии долгосрочны и способствуют экономическому и политическому расширению и стабильности Китая в странах Азии посредством реализации курса «пяти направлений»: политики, экономики, культуры, безопасности и экологии. Они почти неразделимы и составляют экономическое единство. Данная многоуровневая система взаимодействия Китая с окружающими странами построена на основе всесторонней открытости и способствует формированию новой архитектуры миропорядка. Общей линией проведения в жизнь этих двух меганачинаний является реализация «китайской мечты» о «великом возрождении китайской нации».

Отечественные и китайские ученые считают Россию важным стратегическим партнером Китая. В то же время они отмечают серьезные противоречия в сопряжении Евразийского экономического союза и инициативы «ПиП». Необходимо инвестирование в трансевразийские логистические коридоры, через которые проходят Восточная Сибирь и Дальний Восток. Решение проблемы эксперты видят в усилении межправительственного сотрудничества и создании механизмов координации макроэкономической политики по реализации транспортных и инфраструктурных проектов в Евразии.

Европейские и американские эксперты рассматривают «ПиП» как силу, побуждающую международных игроков вести конкурентную борьбу на евразийском пространстве. Япония, США, Индия ищут возможности реализовать свои инфраструктурные проекты и пытаются противостоять доминированию КНР в этом регионе. В новой «Большой игре» XXI в. «Желтый дракон», не форсируя события, выстраивает грамотную геоэкономическую стратегию и новый миропорядок. В нем концепция СЕСЧ будет играть первостепенное значение. Поскольку она способствует укреплению прагматичного сотрудничества в сфере геополитического и геоэкономического доверия, то, безусловно, стимулирует взаимную интеграцию и сотрудничество. Следовательно, выросли инвестиционные вложения всех сторон-участниц, создана более глубокая культурная коммуникационная платформа, которая расширяет культурные обмены, открывает новую жизнь гармонии и процветания для всех стран и народов.

Библиография

1. Бояркина А.В., Печерица В.Ф., Мефодьева С.А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 8. С. 56-64.
2. Ван Ш. Экономический пояс Шелкового пути и ЕАЭС – конкуренты или партнеры? // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 3. С. 7-17.
3. Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контур

- глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 83-98.
4. Денисов И.Е. Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 6. С. 20-40.
 5. Дисэн Г. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazii/>
 6. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. № 2. С. 61-74.
 7. Кобаяси К. Кто хозяин либерального мирового порядка? URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Kto-khozyain-liberalnogo-mirovogo-poryadka-19150>
 8. Лукин А.В., Якунин В.И. (ред.) Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. М.: Весь Мир, 2019. 416 с.
 9. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. № 1. С. 67-76.
 10. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7-33.
 11. Островский А.В. (отв. ред.) Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая: в 2 кн. М.: ИДВ РАН, 2019. Кн. 1. 432 с.
 12. Петровский В.Е. Форум Пояса и Пути. Ожидания и опасения. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22368>
 13. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm
 14. Проект «Один пояс – один путь»: возможности и вызовы для России. URL: <https://rg.ru/2019/02/14/proekt-odin-poias-odin-put-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlia-rossii.html>
 15. Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть I). Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 3. С. 101-127.
 16. Россия и Китай договорились активизировать сотрудничество по проекту «Один пояс – один путь». URL: <https://vz.ru/news/2019/10/3/1001190.html>
 17. Си Ц. О государственном управлении. Пекин, 2018. 802 с.
 18. Уянаев С.В. Новые «шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 242-259.
 19. Цветков В.А., Зойдов К.Х., Медков А.А. Формирование новой эволюционной модели транспортно-коммуникационного взаимодействия России и Китая. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. 231 с.
 20. Целью «Пояса и пути» является строительство Сообщества единой судьбы человечества – посол Китая в США. URL: https://news.rambler.ru/other/42089859/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
 21. Чэнь С., Сазонов С.Л. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как основа сотрудничества Большой Евразии – 2030 // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2018. С. 355-358.
 22. Bandurski D. The future of Common Destiny. URL: <https://www.echo-wall.eu/state-mind/future-common-destiny>
 23. Chen Z. The practical way of the community of common destiny for all mankind. An analysis of “One Belt and One Road” // Proceedings of the 2nd International Conference on Culture, Education and Economic Development of Modern Society. Moscow, 2018. Vol. 205. P. 827-831.
 24. Community of Common Destiny. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/china/community-of-common-destiny.htm>
 25. Eder Th. Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand. URL: <https://www.merics.org/en/bri-tracker/mapping-the-belt-and-road-initiative>
 26. Gao F. Discussion papers in diplomacy. The Shanghai Cooperation Organization and China’s new diplomacy. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20100700_The%20Shanghai%20Cooperation%20Organization%20and%20China%27s%20New%20Diplomacy.pdf
 27. Liang H., Zhang Y. The theoretical system of Belt and Road Initiative. Springer Singapore, 2019. 136 p.
 28. Liu S. The philosophic interpretation of a Community of Shared Future for Mankind from the perspective of the Marxist philosophy // Open access library journal. 2019. Vol. 6. URL: <http://www.oalib.com/articles/5394175>
 29. Mardell J. One Belt, One Road, and one big competition. URL: <https://thediplomat.com/2017/12/one-belt-one-road-and-one-big-competition/>
 30. Towards a Community of Common Destiny and a new future for Asia: keynote speech by H.E. Xi Jinping, President of the People’s Republic of China, at the Boao Forum for Asia Annual Conference 2015. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm?utm_content=buffer4cf1e
 31. Wesley-Smith T. China’s rise in Oceania: issues and perspectives // Pacific affairs. 2013. Vol. 86. No. 2. P. 351-372.
 32. Zhang D. The concept of “community of common destiny” in China’s diplomacy: meaning, motives and implications // Asia and the Pacific policy studies. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 196-207.
 33. Zhao H. China’s One Belt One Road: an overview of the debate. URL:

- https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TRS6_16.pdf?
34. 陈曙光. 习近平新时代中国特色社会主义思想的重大意义 // 光明日报. 2017年. 11月24日. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/1124/c40531-29665418.html>
 35. 陈兆河. 人类命运共同体视域下的“一带一路”分析 // Proceedings of the 3rd International Conference on Humanities Science, Management and Education Technology. Shenzhen, 2018. Vol. 237. P. 168-172.
 36. 李澍. 中国构建人类命运共同体的多边主义价值取向和实践. URL: http://theory.gmw.cn/2018-10/19/content_31783712.htm
 37. 栗战书对俄罗斯进行正式友好访问. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-09/28/c_1125052142.htm
 38. 十三届全国人大一次会议在京闭幕. 习近平发表重要讲话. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-03/20/c_1122566169.htm
 39. 王毅. “一带一路”不是“马歇尔计划”, 而是共建人类命运共同体的生动实践 // 新华社. 2018年. 08月23日. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-08/23/content_5316039.htm
 40. 王毅. 携手打造人类命运共同体 // 人民网—人民日报. 2016年. 05月31日. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0531/c40531-28394378.html>
 41. 习近平. 共担时代责任, 共促全球发展—在世界经济论坛2017年年会开幕式上的主旨 // 人民网. 2017年. 01月18日.
 42. 习近平. 让命运共同体意识在周边国家落地生根 // 新华网. 2013年. 10月25日. URL: http://www.xinhuanet.com/2013-10/25/c_117878944.htm
 43. 一带一路建设是构建人类命运共同体理念的实践. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2018/0602/c1004-30030119.html>
 44. 在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告. 二〇一二年十一月八日. URL: http://www.cssn.cn/zt/zt_xkzt/mkszyzt/mksdc/ddlx/hjt/201804/t20180426_4215674.shtml
 45. 中国关键词. 治国理政篇: 全二册. 北京: 新世界出版社, 2019年.

China's Belt and Road Initiative in the context of Jinping Xi's conception of the Community of Common Destiny for Mankind

Anna V. Boyarkina

PhD in political science,
Associate professor,
Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: boyarkina.av@dvfur.ru

Abstract

The article aims to examine the Belt and Road Initiative put forward by the Chinese leadership, which acts as a driving force, or a bridge, connecting Eastern and Western civilisations. This powerful artery of trade and logistics is an economic and cultural core that unites the countries of Asia and Europe. It promotes political trust and encourages mutual integration, and creates deeper cultural communication that expands exchanges between countries along this route. The Belt and Road Initiative is a key project for connecting the supercontinent with various countries. The fundamental ideological conception of the Community of Common Destiny for Mankind is the logical continuation of this particular project. It opens up new horizons for world development, international cooperation, and the elimination of conflicts between countries, peoples, and religions. These two long-term national strategies contribute to China's economic and political expansion and stability in Asia through the implementation of the "five directions" course (politics, economy, culture, security and ecology). They are almost inseparable and constitute an economic unity. The

article concludes that this multi-level system of interaction between China and the surrounding countries is built on the basis of comprehensive openness and contributes to the formation of a new architecture of the world order.

For citation

Boyarkina A.V. (2020) Kitaiskaya initsiativa “Poyas i put’” v kontekste kontseptsii Si Tszin'pina “Soobshchestvo edinoi sud'by chelovechestva” [China's Belt and Road Initiative in the context of Jinping Xi's conception of the Community of Common Destiny for Mankind]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (1A), pp. 120-140. DOI: 10.34670/AR.2020.95.18.013

Keywords

China, Belt and Road Initiative, Community of Common Destiny for Mankind, Jinping Xi, international cooperation.

References

1. Bandurski D. *The future of Common Destiny*. Available at: <https://www.echo-wall.eu/state-mind/future-common-destiny> [Accessed 07/01/20].
2. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F., Mefod'eva S.A. (2018) Traditsionnaya kul'tura Kitaya v kontekste kontseptsii “soobshchestva edinoi sud'by dlya chelovechestva” [Traditional Chinese culture in the context of the conception of the Community of Common Destiny for Mankind]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Transbaikal State University], 24 (8), pp. 56-64.
3. Chen X., Sazonov S.L. (2018) Aziatskii bank infrastrukturykh investitsii kak osnova sotrudnichestva Bol'shoi Evrazii – 2030 [The Asian Infrastructure Investment Bank as a basis for the cooperation of Greater Eurasia – 2030]. In: *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: development, security, and cooperation]. Moscow, pp. 355-358.
4. Chen Z. (2018) The practical way of the community of common destiny for all mankind. An analysis of “One Belt and One Road”. *Proceedings of the 2nd International Conference on Culture, Education and Economic Development of Modern Society*, Vol. 205. Moscow, pp. 827-831.
5. *Community of Common Destiny*. Available at: <https://www.globalsecurity.org/military/world/china/community-of-common-destiny.htm> [Accessed 07/01/20].
6. Denisov I.E. (2016) Podnebesnaya smotrit na Zapad [The Celestial Empire looks to the West]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 9 (6), pp. 20-40.
7. Denisov I.E. (2017) Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [China's foreign policy under Jinping Xi: continuity and innovation]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 10 (5), pp. 83-98.
8. Diesen G. *Rossiia, Kitai i “balans zavisimosti” v Bol'shoi Evrazii* [Russia, China and the “balance of dependence” in Greater Eurasia]. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kitaj-i-balans-zavisimosti-v-bolshoj-evrazii/> [Accessed 07/01/20].
9. Eder Th. *Mapping the Belt and Road initiative: this is where we stand*. Available at: <https://www.merics.org/en/bri-tracker/mapping-the-belt-and-road-initiative> [Accessed 07/01/20].
10. Gao F. *Discussion papers in diplomacy. The Shanghai Cooperation Organization and China's new diplomacy*. Available at: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20100700_The%20Shanghai%20Cooperation%20Organization%20and%20China%27s%20New%20Diplomacy.pdf [Accessed 07/01/20].
11. Kireeva A.A. (2018) “Initsiativa poyasa i puti”: sodержanie, tseli i znachenie [The Belt and Road Initiative: the content, goals and meaning]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2, pp. 61-74.
12. Kobayashi K. *Kto khozyain liberal'nogo mirovogo poryadka?* [Who is the master of the liberal world order?] Available at: <https://globalaffairs.ru/valday/Kto-khozyain-liberalnogo-mirovogo-poryadka-19150> [Accessed 07/01/20].
13. Liang H., Zhang Y. (2019) *The theoretical system of Belt and Road Initiative*. Springer Singapore.
14. Liu S. (2019) The philosophic interpretation of a Community of Shared Future for Mankind from the perspective of the Marxist philosophy. *Open access library journal*, 6. Available at: <http://www.oalib.com/articles/5394175> [Accessed 07/01/20].

15. Liu Y., Avdokushin E.F. (2019) Proekt "Odin poyas, odin put" 2.0 – strategiya stimulirovaniya global'noi ekspansii Kitaya [The project "One Belt, One Road" 2.0 – a strategy aimed at stimulating China's global expansion]. *Mir novoi ekonomiki* [The world of the new economy], 1, pp. 67-76.
16. Lukin A.V., Yakunin V.I. (eds.) (2019) *Puti i poyasa Evrazii. Natsional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evraziiskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya* [The roads and belts of Eurasia. National and international development projects in the Eurasian space and prospects for their integration]. Moscow: Ves' Mir Publ.
17. Mardell J. *One Belt, One Road, and one big competition*. Available at: <https://thediplomat.com/2017/12/one-belt-one-road-and-one-big-competition/> [Accessed 07/01/20].
18. Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner Yu.K. (2019) EAES v menyayushchemsya geopoliticheskom kontekste: priority mezhduнародnogo sotrudnichestva [The Eurasian Economic Union in a changing geopolitical context: priorities for international cooperation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political science], 21 (1), pp. 7-33.
19. Ostrovskii A.V. (ed.) (2019) *Problemy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva rossiiskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya: v 2 kn.* [The problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and the North-East of China: in 2 books.], Book 1. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
20. Petrovskii V.E. *Forum Poyasa i Puti. Ozhidaniya i opaseniya* [The Belt and Road Forum. Expectations and concerns]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/22368> [Accessed 07/01/20].
21. *Polnyi tekst doklada, s kotorym vystupil Si Tszin'pin na 19-m s'ezde KPK* [The full text of Jinping Xi's report at 19th CPC National Congress]. Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm [Accessed 07/01/20].
22. *Proekt "Odin poyas – odin put": vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii* [The project "One Belt – One Road": opportunities and challenges for Russia]. Available at: <https://rg.ru/2019/02/14/proekt-odin-poyas-odin-put-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlia-rossii.html> [Accessed 07/01/20].
23. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya: mezhdru Evropoi i Indo-Pasifikoi (Chast' I). Materialy situatsionnogo analiza [Russian-Chinese relations: between Europe and the Indo-Pacific (Part I). The materials of situational analysis] (2018). *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 9 (3), pp. 101-127.
24. *Rossiya i Kitai dogovorilis' aktivizirovat' sotrudnichestvo po proektu "Odin poyas – odin put"* [Russia and China agreed to step up cooperation on the project "One Belt – One Road"]. Available at: <https://vz.ru/news/2019/10/3/1001190.html> [Accessed 07/01/20].
25. *Towards a Community of Common Destiny and a new future for Asia: keynote speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China, at the Boao Forum for Asia Annual Conference 2015*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm?utm_content=buffer4cf1e [Accessed 07/01/20].
26. *Tsel'yu "Poyasa i puti" yavlyaetsya stroitel'stvo Soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva – posol Kitaya v SShA* [The goal of the Belt and Road Initiative is to build a Community of Common Destiny for Mankind – the Chinese Ambassador to the United States]. Available at: https://news.rambler.ru/other/42089859/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink [Accessed 07/01/20].
27. Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A.A. (2013) *Formirovanie novoi evolyutsionnoi modeli transportno-kommunikatsionnogo vzaimodeistviya Rossii i Kitaya* [Constructing a new evolutionary model of transport and communication interaction between Russia and China]. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences.
28. Uyanaev S.V. (2015) *Novye "shelkovye puti" Kitaya: printsipy i parametry ofitsial'noi "dorozhnoi karty"* [China's new silk roads: the principles and parameters of the official "road map"]. *Kitay v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 20 (20), pp. 242-259.
29. Wang Sh. (2014) *Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti i EAES – konkurenty ili partnery?* [The Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union – competitors or partners?] *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 17 (3), pp. 7-17.
30. Wesley-Smith T. (2013) China's rise in Oceania: issues and perspectives. *Pacific affairs*, 86 (2), pp. 351-372.
31. Xi J. (2018) *O gosudarstvennom upravlenii* [On public administration]. Beijing.
32. Zhang D. (2018) The concept of "community of common destiny" in China's diplomacy: meaning, motives and implications. *Asia and the Pacific policy studies*, 5 (2), pp. 196-207.
33. Zhao H. *China's One Belt One Road: an overview of the debate*. Available at: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TRS6_16.pdf? [Accessed 07/01/20].
34. 陈曙光 (2017) 习近平新时代中国特色社会主义思想的重大意义. *光明日报*, 年, 11月24日. Available at: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/1124/c40531-29665418.html> [Accessed 07/01/20].
35. 陈兆河 (2018) 人类命运共同体视域下的“一带一路”分析. *Proceedings of the 3rd International Conference on Humanities Science, Management and Education Technology*, Vol. 237. Shenzhen, pp. 168-172.
36. 李澍 中国构建人类命运共同体的多边主义价值取向和实践. Available at: http://theory.gmw.cn/2018-10/19/content_31783712.htm [Accessed 07/01/20].
37. 栗战书对俄罗斯进行正式友好访问. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2019-09/28/c_1125052142.htm

- [Accessed 07/01/20].
38. 十三届全国人大一次会议在京闭幕。习近平发表重要讲话。 Available at: http://www.xinhuanet.com//2018-03/20/c_1122566169.htm [Accessed 07/01/20].
 39. 王毅 (2018) “一带一路”不是“马歇尔计划”，而是共建人类命运共同体的生动实践。 *新华社. 年*, 08月23日. Available at: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-08/23/content_5316039.htm [Accessed 07/01/20].
 40. 王毅 (2016) 携手打造人类命运共同体。 *人民网—人民日报. 年*, 05月31日. Available at: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0531/c40531-28394378.html> [Accessed 07/01/20].
 41. 习近平 (2017) 共担时代责任，共促全球发展—在世界经济论坛2017年年会开幕式上的主旨。 *人民网. 年*, 01月18日.
 42. 习近平 (2013) 让命运共同体意识在周边国家落地生根。 *新华网. 年*, 10月25日. Available at: http://www.xinhuanet.com/2013-10/25/c_117878944.htm [Accessed 07/01/20].
 43. 一带一路建设是构建人类命运共同体理念的实践. Available at: <http://finance.people.com.cn/n1/2018/0602/c1004-30030119.html> [Accessed 07/01/20].
 44. 在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告. 二〇一二年十一月八日. Available at: http://www.cssn.cn/zt/zt_xkzt/mkszyzt/mksdc/ddlx/hjt/201804/t20180426_4215674.shtml [Accessed 07/01/20].
 45. *中国关键词* (2019). 治国理政篇: 全二册. 北京: 新世界出版社.